

Елена Шастина

Головский сказочник

Сказку надо до сознания доводить...

С. В. Высоких

Сергей Васильевич Высоких – ближайший сосед Ф. Е. Томшина. Всего каких-нибудь пятьдесят километров разделяют их. Для Сибири – это не расстояние.

Как у сказочников у них много точек соприкосновения. Однако сказительская судьба Высоких иная. Для Сергея Васильевича сказка никогда не была ремеслом. Тем не менее рассказчик он замечательный, очень типичный для «осёдлых» ленских сказителей.

Собственно, я даже не знаю, можно ли назвать С. В. Высоких только сказочником. Он и песельник, и большой любитель частушек, загадок и анекдотов, прекрасный знаток народного календаря и примет, исполнитель бесчисленного множества номеров «Красноармейской эстрады», хороший музыкант.

И судьба, и сказки Высоких – целый этап в жизни сибирского приленского крестьянства в развитии системы народного мировоззрения, своеобразно сочетающего ощущение современности и взгляды прошлого. Поэтому и просторная изба его, умело срубленная самим хозяином, встречает вас одновременно ленинским плакатом и иконой. Плакат – от трудных лет организации коммуны бывшим батраком Серёгой Высоких, от партизанских походов его молодости, от лет участия в событиях на КВЖД и нелёгкого солдатского труда в годы Великой Отечественной войны. Умельство, икона и сказки – от дедов-прадедов, от всего среднеленского вкорени», о котором любит порассказать Сергей Васильевич.

И хотя в таких рассказах о прошлом сбивчива хронология и много домысла, в них – народная история и этнография, пусть не всегда совпадающая с научной, но бесценная содержащаяся в них народной точкой зрения на факты и события минувшего. Увидеть прошлое глазами сказочника очень важно ещё и потому, что картины жизни, прошедшие через его восприятие, многое смогут объяснить в психологическом облике рассказчика и его земляков.

...В начале прошлого столетия на то место, где Нептанка впадает в Лену, пришёл Васька Голый и поставил здесь первый сруб. Из деревни Высоких, что под Орлингой, кликнул знакомцев. Пришли шесть мужиков с бабами да ребятишками и стали на левом берегу Лены. Но в первый же год половодье перебросило пришельцев на другую сторону реки. Там и заселились – на горушке – как ласково прозвали безопасное от весеннего половодья место. Оттуда и пошло Головское. Благодатными оказались новые земли: в тайге – соболю, лисица, медведь, белка. Правда, зверя добывали и там, под Орлингой. Но здесь – первеющая пашня. По 15 десятин на семью было. Хлеба намалывали столько, что не знали дна в сусеке.

А поначалу в Головском хлеб был ячменный. Печь его трудно. Не угадаешь жижину – вздует корка да поднимется так, что пальца на четыре пустоту сделает. Вот тогда хозяйке целое горе. Собирает на стол, принесёт ложки, и пока побежит за щами, мужик возьмёт да пару ложек и запихает в пустоту. Мечется баба, ищет их, а муж сидит у стола, погоняет, покрикивает. Умает вовсе – тогда уж и достанет ложки: наука, мол, – впредь по уму квашню ставь.

Спасибо ссыльным – избавили от маяты: поле научили перегородить, колючку повывести. Ячмень перестали сеять. Пшеница такая уродилась – калачи на улице пахли. Недаром якшался с ними «подполишный коммунист» – головский поп. Умным и образованным был Фёдор Кропотов. С народом «не сортировался», всегда готов был помочь дельным советом, хорошим врачом был, гулял со всеми и больше всего любил говорить о политике.

– Другой-то хомут украл и политикантом оказался. А поп – натуральный политикант был, но виду не давал, – рассказывает Высоких. – А в 20-е годы он же первый помогал и кооператив организовывать... а потом заскучал шибко и сошёл с ума.

Много трудных переживаний выпало, должно быть, на долю умного и образованного человека Фёдора Кропотова, своей ли волей ставшего головским попом? Но общение с ним, несомненно, многое давало головчанам, а старики и теперь вспоминают его с неизменным уважением.

– Этот не то, что другие попы, – говорит Высоких и вдруг, лукаво подмигнув, спрашивает:

– Слыхали? Поп корову украл... – и начинается один из его многочисленных анекдотов-сказок, готовых у него на любой случай жизни, – ...украл, значит. А дьячок решил разоблачить его. Пришли в церкву. Там народу полно, он и запел:

– Гра-аждане-прихожане, не потерялся ли у вас корова-а?

А поп-то видит, что тот его сейчас продаст, выскакивает и поёт:

– Дьякон – дьякон-он, ты много не брякай-ай! На тебе мяса половину да денег полтину-у!

А клирошане запели:

– А нам по ноге! А нам по ноге!

Трапезник на колокольню залез, там звонит и давай наговор:

– Нам брюшину да глаза! Нам брюшину да глаза!

Сергей Васильевич громко хохочет. Он всегда хохочет громко и заразительно.

– И у нас тут звонарь был бравенький, – еле выговаривает он сквозь смех, – лихо на колоколах Камаринскую выбивал.

Мы не скрываем удивления уменью Высоких отозваться песней, анекдотом, легендой, частушкой, поговоркой на любой разговор или случай.

– Я родимостью такой, – быстро и без ложной скромности объясняет Сергей Васильевич. – Дедушка мой посказитель был и мне этот дар передал.

Охотником, силачом и докой¹ был сказочник Дмитрий Христофорович Дядин. От отца своего переняла силу, «колдовство» и сказки мать Высоких – Евдокия Дмитриевна.

– Дядюшка Иван Павлович, хлебца не даёшь ли? – пришла она как-то к головскому купцу Прашутинскому.

Он к амбару:

– Вот этот куль без навалки оттащишь домой – бесплатно дам.

Евдоха-то – баба ёмкая. Было в кого ей ёмкой быть. Ещё дед её, Христофор, бывало, говаривал: «Двухгодовалого жеребенка за хвост через забор переброшу, а вас и так покидаю». Сама навалила Евдоха преогромнейший куль, что указал ей Прашутинский. Крякнула только да и попёрла на горушку.

Все заговоры знала Евдокия Дмитриевна: и бородавку, и сучью титьку сведёт, и лишай зачертит, родимец вылечит. В лес она пойдёт, а там медведь ходит, и никогда он её не съест: слово такое знала. Но уменьем своим не пользовалась – лишних чужих денег не брала. И даже когда к ногам её с балкона упал бумажник с катерининскими Марьи Прашутинской (пальто хлопала купчиха), подняла его Евдокия и принесла Марье Иннокентьевне.

– Ну, и дура ты, Евдоха, – только и сказала Прашутинская и даже рубля не дала.

Евдокия Дмитриевна умела и читать – выучилась «самоуком». Грамоте, а также сказкам и «колдовству» обучила и сына своего – Серёгу.

– Сергей-то Васильев, – колдун, – так впервые услышали мы о нём ещё в соседнем селе. – Но он хороший колдун, худа не делает, – добавил коношаповский сказочник Дмитрий Андрианович и, тыча палкой в прибрежный галечный песок, продолжал: – Скот не идёт за реку, бегут к Сергею. Тот возьмёт ниточку, поговорит над ей и в речку. А за ниткой той и коровы пойдут, – и, увидев на наших лицах недоверие, добавил: – Он и бабу себе присушил. А как же?

Сам Высоких своего «колдовского» уменья не скрывает, но объясняет его реалистично:

– Я по-простому скажу – это сила внушения. Я стакан тёплой воды направлю, посижу над ним и что задумаю – на ребёнка или кого плесну – то и сбудется. Это – наговор, а не заговор. Заговор – портит, а наговор на пользу идёт.

О своём сказительском даре Высоких говорит шутливо:

– Я потому болтун такой, что мать меня в девках принесла. Фамилия-то моя – Дядин. Высоких стал уж после и вот почему: раньше, если парень – душа, а девка – никто. Парню – надел, а девке – хоть десять штук их будь – ничо. Поэтому, когда мать вышла замуж за Высоких, стали добиваться, чтобы меня перефамилить. Год добивались. Я и стал Высоких. Тогда и надел получил.

К сказыванию Сергей Васильевич относится серьёзно.

– Уж соврать так соврать, – говорит он и если забыл в сказке какой-нибудь эпизод или деталь, рассказывать не станет. Высоких очень требователен к точности передачи однажды услышанного и требует её от других.

– Не семь, а пять лет Бове Королевичу было, – ворчит Сергей Васильевич на другого сказочника. – Не так он вам эту сказку рассказал.

У Сергея Васильевича свой подход к сказочной событийности. В чудесное повествование он вливает порой такую явственную струю хорошей крестьянской трезвости, которая значительно колеблет стилевую структуру традиционного сказа.

– Я ведь сказку до сознания довожу, – заявляет Высоких. И этому творческому принципу следует всегда, хотя, как любой сказочник, он отдаёт дань традиции. Наверное, потому так своеобразно проявление волшебства в сказках Высоких. Его герой (сюжет о трёх царствах²)

– «удачный работник» Иван Васильевич живёт не в чудесном тридевятом царстве, а «в небольшом селе, как в нашем Головском». Однако такая реалистичность социального положения не мешает ему совершать предусмотренные сказкой необыкновенные подвиги: побеждать змея, трёх ведьм, построить за одну ночь мост «через море в семь вёрст» и т. п. И хотя для исполнения этих задач Иван Васильевич и прибегает к разным чудесным средствам, в конечном итоге герою всё удаётся лишь потому, что «у него удач хватает». Даже «колдует» он «трезво»: «Стукнул раз волшебной трубкой – выходят три духа. Трёх-то мало будет, по-крестьянски расчётливо думает сказочник вместе со своим героем: ведь мост построить да деревьев насадить – работы много...» И чтоб «рабочей силы поболее», Высоких заставляет Ивана Васильевича стукнуть ещё несколько раз.

Это творчество сказочника вызвано трезвой крестьянской сметкой. Но идёт оно всё-таки в русле традиции: герой стучит волшебной трубкой одиннадцать раз, и духов вылетает тридцать три – число, предусмотренное сказочным канонам.

Через всю сказку Высоких проходит ярко выраженное социальное начало: «Это были мои труды, не ваши, – говорит Иван Васильевич царю. – Не отдам я вам золотой дворец, – и отказывается (!) от женитьбы на принцессе и от царства: «Как я был батраком, так и буду», – гордо заявляет он.

Такое чёткое социальное самосознание героя волшебной сказки, влекущее за собой нарушение канонического «счастливого» конца, – необычно.

Всё тем же стремлением «доводить сказку до сознания» вызвано, по-видимому, и то бытописание, которое чрезвычайно характерно для волшебного повествования Высоких, о чём подробно говорилось в первой главе этой книги.

– Вообще-то это взято чуть не из жизни, – говорит Высоких, окончив сказку, известную в обработке Пушкина «О мёртвой царевне и семи богатырях».

– Это о спящей красавице? – так «профессионально» переспрашивает кто-то из студентов.

Сергей Васильевич досадливо качает головой, потом обстоятельно разъясняет:

– Это сочинение выдерживает другой марки. Про спящую красавицу – там двенадцать братьев, и от яблочки она обмерла, а здесь совсем не так. Там Елисей был, а это – про знаменитого купца. Про Елисея можно в книжке прочитать, а то, что я рассказал, – это ни в одной книге не найдёте... Раньше всё это просто получалось.

Иногда, впрочем, Сергей Васильевич вдруг начинает сказку «как положено»:

«В некотором царстве, в некотором государстве, в том, в котором мы живём, – это было на ровном месте, как на бороне...»

...и герой его идёт «долго ли, коротко», и видит он «избушку на курьих ножках, на бараньих рожках», которая по одному слову повёртывается «к лесу задом, к нему передом». И живёт

в ней, как положено, «баба Яга – голёная нога», по-сказочному разговаривает она с героем, и тот отвечает ей сказочными формулами. И вот уже даёт она ему чудесный платок да соколиную косточку и отправляет ко второй своей сестре...

Здесь Сергей Васильевич внезапно останавливается, как бы спохватившись, и совсем другим, «несказочным» тоном говорит:

– Ну, короче сказать, и ко второй так же.

– Вы расскажите, – просим мы.

– Дак снова-то все повторять – долго будет. Или опять всё как есть? – Высоких с сомнением качает головой и начинает «проговаривать»: «Ну, также отправился, конечно... стоит избушка, конечно, на курьих ножках, на бараньих рожках... он, конечно, на крыльцо, берётся за кольцо...»

И возникает ощущение, что этот сказочный канон, который так хорошо знает Сергей Васильевич и так мастерски умеет им пользоваться, мешает ему. По всей вероятности, эти повторы, замедляющие повествование, приходят в противоречие с современным темпом и образом жизни. Это и понятно: волшебная сказка в её классическом виде связана с определённым жизненным укладом большой старорусской семьи. И теперь у рассказчика, скорее всего подсознательно, возникает ощущение психологической несовместимости форм, а также экспрессии нового быта с требованиями традиционного изложения. Всё это – и переломные моменты времени, и новые тенденции в развитии художественного народного мышления – ярко отразилось в сказках Сергея Васильевича Высоких.

¹ Дока – смекалистый, умный. На Лене употреблялось часто в смысле колдун.

² «Указатель», дополн. Проппом, № 301.